

СЕКЦИЯ № 7

**Историко-политические проблемы
развития общества**

Некоторые соображения о содержании показаний бывшего командующего Западным фронтом генерала армии Д.Г. Павлова

Одно из тёмных пятен Великой Отечественной войны – «странное» поведение командующего Западным особым военным округом – Западным фронтом – генерала армии Павлова Дмитрия Григорьевича, до сих вызывающее ожесточённые споры исследователей.

В докладе анализируется одно из утверждений Д.Г. Павлова, связанное с последними предвоенными часами.

Во время первого допроса (протокол от 07.07.1941 г.) [1, с.345], Д.Г. Павлов показал, что в час ночи 22 июня он был вызван в штаб фронта для телефонного разговора с народным комиссаром обороны (НКО), который после доклада Д.Г. Павлова о беспокойной обстановке на границе закончил разговор так: «Вы будьте поспокойнее и не паникуйте, штаб же соберите на всякий случай сегодня утром, может, что-нибудь и случится неприятное, но смотрите, ни на какую провокацию не идите. Если будут отдельные провокации — позвоните». Утверждение это уже давно вызывает вопросы, поскольку совершенно очевидно вступает в противоречие, например, с утвердившейся версией последних предвоенных часов. По этой версии, сформированной в воспоминаниях Г.К. Жукова, [2, с.369-372], последний (на тот момент – начальник Генерального штаба – НГШ), вместе с НКО С.К. Тимошенко вечером 21 июня сумели, наконец, убедить И.В. Сталина, что положение опасное и что нужно принимать срочные меры, т.е. объявлять боевую готовность во всех приграничных округах. Утверждённую телеграмму (т.н. «Директиву №1») они срочно отправили в войска.

Конечно, в последнее время всё более очевидными становятся субъективность изложения фактов и подстройка уважаемого маршала под определённую идеологическую установку (см., например [3]). Однако при всём этом понимании сложно считать, что НКО в самый напряжённый момент ожидания начала войны, когда были известны и дата, и час, да ещё и после отправки в округа «выстраданной» ими с НГШ «Директивы», в телефонном разговоре с командующим одним из важнейших округов произносил успокаивающие речи, уверяя, что ничего серьёзного не происходит. Тут либо следует сделать вывод о возможной государственной измене самого наркома (а такие высказывания известны, см., например [4]), либо предполагать, что Д.Г. Павлов искажает слова С.К. Тимошенко. Ошибку следователя следует сразу же отметить: 1) под протоколом стоит подпись Д.Г. Павлова, следовательно, он согласен со сказанным; 2) в ответственных случаях следственное делопроизводство предусматривало, что допрашиваемый писал ответы на вопросы собственноручно, после чего их перепечатывали, они прочитывались обвиняемым, и он снова ставил подпись.

Впрочем, возможен и другой, менее категоричный вариант.

Логика поведения практически любого обвиняемого во время следствия обычно достаточно однообразна и заключается в том, что: отрицается то, что не слишком очевидно; утверждается то, что трудно проверить; вина (или её часть) перекладывается на кого-то другого; действия объясняются отсутствием иных вариантов или указаниями сверху; смещаются акценты в том, что уже самоочевидно или может проявиться и т.д.

В рамках этой логики рассмотрим сказанное С.К. Тимошенко (в версии Д.Г. Павлова) с точки зрения смещения акцентов. Проведём анализ содержания первой фразы (содержание второй фразы вопросов не вызывает), разделив её на блоки, имеющие однозначность формулировки:

1. *Вы будьте поспокойнее и не паникуйте,*
2. *штаб же соберите на всякий случай сегодня утром,*
3. *может, что-нибудь и случится неприятное,*
4. *но смотрите, ни на какую провокацию не идите.*

Первая часть фразы - обычный разговор военных в потенциально опасной ситуации.

Вторая часть вызывает вопросы. Поскольку даже по утвердившейся версии, в наркомате обороны уже знали час начала войны и разослали указание о приведении войск в повышенную боевую готовность, рекомендацию собрать штаб утром (т.е. явно после часа начала войны), да ещё «на всякий случай», трудно объяснить чем-то, кроме откровенной лжи (откровенного стремления вывести на первый план наркома, подставив его вместо себя или прикрыться им) или наличия действительно имевших место скрытых закулисных игр, о сути которых мы до сих пор ничего не знаем, но в которых оба они участвовали (ведь требовал же Д.Г. Павлов присутствия наркома на допросе, заявляя, что без него отвечать на вопросы не будет).

Третья часть также может быть объяснена (хоть и с натяжкой) возможными сомнениями НКО в достоверности информации о начале войны. Хотя по устоявшейся версии сомнения были не у него, а у И.В. Сталина.

Четвёртая часть (как и вторая фраза) полностью вписывается в контекст т.н. «Директивы №1» о возможности провокаций со стороны немецких войск.

Если исходить из предположения, что слова наркома приведены правильно, но Д.Г. Павлов пытается сместить акценты, воспользуемся принципом, применяемым в известной фразе «Казнить нельзя помиловать». С этих позиций построение фразы может иметь вид: «Вы будьте поспокойнее и не паникуйте, штаб же соберите. На всякий случай, сегодня утром, может, что-нибудь и случится неприятное, но смотрите, ни на какую провокацию не идите». В этом случае разделение фразы на элементы будет следующим:

1. *Вы будьте поспокойнее и не паникуйте, штаб же соберите.*
2. *На всякий случай, сегодня утром, может, что-нибудь и случится неприятное,*
3. *но смотрите, ни на какую провокацию не идите.*

Первая часть фразы в этом варианте не теряет первоначального смысла, но обретает законченность: необходимо не просто не паниковать, но ещё и собрать штаб. С учётом того, что телеграмма из генштаба уже ушла, такое дополнение должно подчеркнуть важность ситуации. Отсутствие прямых указаний на приведение войск в состояние боевой готовности хоть и с очень большой натяжкой, но может быть объяснено стремлением не дать повод А. Гитлеру для обвинений в адрес СССР (перехват переговоров и магнитофоны в то время уже применялись).

Вторая часть (в начальном варианте – третья) хотя и представляется неидеальной с точки зрения современного русского языка, но имеет в целом тот же смысл, что и в первом случае. Контекст сказанного можно понимать как «На всякий случай *обратите внимание*, сегодня утром, может....». С учётом стиля военного языка, уровня культуры тогдашнего командования, такое построение вполне возможно.

Третья часть (четвёртая в первом варианте) полностью сохраняет изначальный смысл.

Таким образом, общее содержание фразы, хотя и содержит некоторые шероховатости стилистического характера, перестаёт быть непонятным с точки зрения логики событий тех часов.

Разумеется, предлагаемые построения верны только в предположении, что фраза, приписываемая Д.Г. Павловым наркому обороны действительно имела место, а не является его попыткой вывести себя из под предъявленных ему обвинений, переложив вину на командование наркомата обороны.

Литература

1. 1941 год: Страна в огне: В 2 кн. Кн.2. Документы и материалы. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2011. -720 с.
2. Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. В 3-х т. Т. 1. -10-е издание, дополненное по рукописи автора. -М.: Изд-во «Новости» (АПН), 1990. - 384 с.
3. Булкин В.В. О субъективном факторе в воспоминаниях очевидцев: Г.К. Жуков о П.В. Рычагове / Наука и образование в развитии промышленной, социальной и экономической сфер регионов России. IV Всероссийские научные Зворыкинские чтения: сб. тез. докл. IV Всероссийской межвузовской научной конференции. Муром, 3 февр. 2012 г.– [Электронный ресурс].– Муром: ИПЦ МИ ВлГУ, 2012.– С.234-236. ISSN 2220-8763 (CD-ROM).
4. Мещеряков В.П. Арест Сталина, или Заговор военных в июне 1941 г. –М.: Алгоритм, 2012. – 224 с.

**О субъективном факторе в воспоминаниях очевидцев:
Г.К. Жуков о начале Великой Отечественной войны**

События, связанные с началом Великой Отечественной войны до сих пор вызывают оживлённые дискуссии в среде профессиональных историков, жаркие споры среди любителей истории, бурные перепалки среди тех, кто принял для себя одну из версий как истинную и ничего не хочет знать ни о каких других вариантах. При этом устоявшаяся среди большого количества людей, мало интересующихся историей, версия начала войны обычно базируется на представлении о полной внезапности начала военных действий в силу того, что И.В. Сталин, категорически отказывавшийся верить тому, что было очевидно уже многим, не разрешал предпринимать хоть какие-то действия, связанные с подготовкой к скорой войне. По этой версии, сформированной в воспоминаниях Г.К. Жукова, на тот момент – начальника Генерального штаба (НГШ), [1, Т.1., с.369-372], они с народным комиссаром обороны (НКО) С.К. Тимошенко регулярно пытались «... убедить И.В. Сталина в неизбежности войны с Германией в самое ближайшее время и доказать необходимость провести в жизнь несколько раньше срочные мероприятия, предусмотренные оперативно-мобилизационным планом» [1, Т.1., с.361-362], Одновременно Г.К. Жуков уверял о том, что о дне нападения Генеральному штабу (ГШ) стало известно от перебежчика лишь 21 июня [1, Т.1., с.362]. Поскольку далее Г.К. Жуков пишет о том, что сообщение о перебежчике поступило к нему от начальника штаба Киевского военного округа вечером (точнее – в районе 21 часа), становится понятным, что никаких ожиданий начала военных действий в ГШ в конце текущего дня (21.06.1941) не было, работа в Наркомате обороны шла в обычно напряжённом режиме, многие жили ожиданиями выходного дня. В связи с этими утверждениями возникают вопросы по части рассказанного Г.К. Жуковым, поскольку даже беглое знакомство с представленным им в своей книге выявляет явные нестыковки в изложенном.

Доклад посвящён анализу степени достоверности некоторых воспоминаний Г.К. Жукова в отношении событий, связанных с началом Великой Отечественной войны.

Десятая глава воспоминаний начинается словами: «В ночь на 22 июня 1941 года всем работникам Генерального штаба и Наркомата было приказано оставаться на своих местах. Необходимо было как можно быстрее передать в округа директиву о приведении войск в боевую готовность» [1, Т.2., с.7]. Сразу возникает вопрос: если никаких мероприятий по подготовке к войне не проводилось, с какой целью «всем работникам ... было приказано оставаться на своих местах»? Ведь сама т.н. «директива» (в действительности телеграмма, отправленная в округа, не может считаться директивой, поскольку она не имеет регистрационного порядкового номера) была согласована не ранее 22-15 (по журналу регистрации посетителей кабинета И.В. Сталина НКО и НГШ вышли из его кабинета в 22-20). Если бы речь шла, например, о дежурных сотрудниках оперативного отдела штаба, дежурных связистах и т.п., это было бы понятно: работа ГШ не прерывается на «выходной день». Однако речь идёт именно обо *всех* работниках. Такие распоряжения могли быть сделаны только в случае каких-то особых обстоятельств, например, в случае возможного начала военных действий (неважно, с нашей стороны или со стороны Германии, Японии или др. стран). Никаких сведений о планировании превентивного удара силами РККА в анализируемой книге не приводится. Следовательно, остаётся один вариант – в ГШ ждали *начала агрессии со стороны Германии*. Таким образом, процитированная фраза, скорее всего, не соответствует тем событиям, которые происходили в действительности. Особенно, если учесть, что по воспоминаниям адмирала Н.Г. Кузнецова, С.К. Тимошенко и Г.К. Жуков не «напросились» на приём к И.В. Сталину вечером 21 июня (уже после 20-00), а были вызваны к нему в кабинет в районе 17-00, после того, как И.В. Сталин лично отдал распоряжение командующему

Московским военным округом генералу армии И.В. Тюленеву (примерно в 14-00) повысить боевую готовность ПВО округа [2, с.285, 300]. По другим данным, основанным на записях в журнале регистрации посетителей кабинета И.В. Сталина, сначала был вызван только С.К. Тимошенко (присутствовал с 19-05 до 20-15), а затем (в 20-50) он вернулся в кабинет уже в сопровождении Г.К. Жукова. Причём на этом совещании присутствовало несколько человек, в том числе И.А. Сафонов, в 1940-1941 гг. – начальник мобилизационно-планового отдела Комитета Обороны при СНК СССР, что явственно указывает на подготовку к ведению широкомасштабных боевых действий. А присутствие на этом совещании срочно вызванного из Берлина военно-морского атташе посольства СССР в Германии, капитана первого ранга М.А. Воронцова, незадолго до этого представившего разведанные о намерениях Германии, сводит на нет всю логику рассуждений Г.К. Жукова о том, что И.В. Сталин до последнего даже слушать не хотел о возможности войны. Если при этом вспомнить изложенные в конце первого тома «Воспоминаний» рассуждения о том, что, с одной стороны, «... как будто делалось всё зависящее от нас, чтобы встретить максимально подготовленными ... военную угрозу...», а с другой стороны – «... у нас ряд важнейших мероприятий ещё не завершён» [1, Т.1., с.371], то становится совсем непонятно: если И.В. Сталин запрещал любые проявления военной активности, то какие важнейшие мероприятия ещё не завершены? Причём не одно мероприятие, а целый ряд.

Ещё один непонятный момент в воспоминаниях уважаемого маршала – странное (в описании Г.К. Жукова) поведение И.В. Сталина после того, как он осознал всю опасность ситуации и дал согласие на приведение войск западных округов в боевую готовность. Генштаб и Наркомат обороны, командование ВМФ спешно проводят мероприятия по приведению войск в состояние необходимой готовности, при этом по воспоминаниям Н.Г. Кузнецова он приказал контр-адмиралу В.А. Алафузову бегом бежать в штаб ВМФ и дать флотам все необходимые указания, а глава государства удаляется на дачу и ложится спать, даже не оставив указания будить его в случае чрезвычайных обстоятельств. При описании событий в момент начала войны Г.К. Жуков говорит о том, что он звонил непрерывно, но к телефону никто не подходил. И только потом отзывается сонный начальник управления охраны Н.С. Власик [1, Т.2., с.8], которому И.В. Сталин (как показывает анализ доступной информации) доверял, насколько это вообще было возможно, и которого он не поставил в известность о возможных тревожных сообщениях.

Сразу возникает вопрос, может ли такое соответствовать действительности? В принципе – может: 1) если И.В. Сталин был абсолютно уверен, что никакой войны не будет; 2) если он понимал, что война будет, но знал, что сделано было всё возможное, а в самых первых часах войны толку от него всё равно не будет, т.к. главные люди в такой ситуации – военные, которые и должны делать своё дело; 3) если ему было всё равно, что будет со страной, с народом.

Первый вариант следует отменить, поскольку в этом случае никакого согласия на приведения войск в боевую готовность просто не было бы.

Во втором случае, во-первых, сразу же теряют смысл все утверждения Г.К. Жукова о том, что И.В. Сталин не давал согласия на подготовку к войне, а во-вторых, всё равно остаются сомнения и нужно ждать решающего момента, чтобы сразу же отдать все необходимые распоряжения.

Третий вариант полностью опровергается самим Г.К. Жуковым: «Конечно, в первые часы И.В. Сталин был растерян» [1, Т.2., с.10]. Человек, которому безразлична судьба страны так себя не ведёт (не говоря уж о том, что его усилия по укреплению, развитию страны, созданию мощного промышленного потенциала не допускают самой мысли о безразличии к судьбе руководимой им страны).

При этом остаётся ещё непонятным, почему в резиденции лидера государства отсутствует дежурный по связи и телефонную трубку вынужден брать начальник охраны, очевидно разбуженный долгими звонками. Такого просто не могло быть, потому, что всё известное о И.В. Сталине однозначно показывает, что разгильдяйства он не терпел.

Таким образом, утверждение это явно противоречит логике событий и думается, что тут не обошлось без искажения действительности под влиянием каких-то субъективных факторов.

Вывод

Анализ рассмотренных эпизодов анализируемых воспоминаний показывает, что принимать их как «истину в последней инстанции» нельзя, поскольку они слишком явно не соответствуют другим обстоятельствам того периода. Конечно, в последнее время всё более очевидными становятся субъективность уважаемого маршала в изложении событий (см., например [3]). Однако представляется вероятным, что имеют место не привычные искажения фактов или последовательности событий, обусловленные наслоениями событий одно на другое, вытеснение событий более важными, подсознательное стремление забыть о каких-то фактах, являющихся слишком неудобными для конкретного человека. Скорее всего, речь идёт о сознательном «отклонении» от реально происходивших событий, продуманном смещении акцентов и подстраивании под какую-то идеологическую линию.

Литература

1. Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. В 3-х т. -10-е издание, дополненное по рукописи автора. - М.: Изд-во «Новости» (АПН), 1990.
2. Кузнецов Н.Г. Накануне. - М.: Воениздат, 1969. -376 с.
3. Булкин В.В. О субъективном факторе в воспоминаниях очевидцев: Г.К. Жуков о П.В. Рычагове / Наука и образование в развитии промышленной, социальной и экономической сфер регионов России. IV Всероссийские научные Зворыкинские чтения: сб. тез. докл. IV Всероссийской межвузовской научной конференции. Муром, 3 февр. 2012 г.– [Электронный ресурс].– Муром: ИПЦ МИ ВлГУ, 2012.–С.234-236. *ISSN 2220-8763 (CD-ROM)*.

Участие инокa Пересвета в Куликовской битве: быль или легенда

В истории нашей страны было много битв и сражений. Одной из наиболее важной для существования русского государства стала Куликовская битва (8 сентября 1380), закончившаяся победой ополчений великого князя Московского Дмитрия Иоанновича над татаро-монгольским войском под предводительством темника Мамаю на Куликовом поле. Эта битва явилась первой крупной победой русских над войсками Золотой Орды, показала значимость объединения русских княжеств и других народов вокруг Москвы для защиты от общего врага, стала поворотным этапом в борьбе русского народа над ордынским игом.

По широко известной версии из школьных учебников по истории перед началом Куликовской битвой состоялся поединок русского монаха Троице-Сергиевой лавры Александра Пересвета с татаринoм Челубеем (по одним транскрипциям Челибей, Телебей, по другим сведениям – Темир-мурза), окончившийся одновременной гибелью oбоих. (Это событие легло в основу написания известных картин русского художника Васнецова В. М. (1914) и советского художника Авилова М.И. (1943) «Поединок Пересвета с Челубеем»)

Основными историческими источниками, позволяющими реконструировать предпосылки, расстановку политических сил, ход и потери русского войска после битвы, являются историко-литературные произведения так называемого «Куликовского цикла»: «Летописная повесть о побоище на Дону», «Житие Сергия Радонежского», «Задонщина» и «Сказание о Мамаевом побоище», отразивших восприятие Куликовской битвы ее современниками и их потомками. В связи с тем, что произведения Куликовского цикла возникли в разное время после описываемых событий и писались под влиянием различных общественных кругов, в их содержании имеется много разночтений.

В частности, как отмечают исследователи, описание поединка Персвета с Челубеем содержится только в «Сказании о Мамаевом побоище» (дошедшем до наших времен в четырех редакциях – Основной, Распространенной, Летописной и Киприановской), опирающемся на «Задонщину» и воздействовало на позднейшие разновидности Летописной повести, и отсутствует в других произведениях.

Еще одной из особенностей «Сказания...» является религиозная окраска описываемых событий. Так, по преданию, в традициях того периода времени, князь Дмитрий Иванович в поисках духовной поддержки отправился в подмосковный Троицкий монастырь к преподобному Сергию Радонежскому за благословением на Куликовскую битву и попросил дать ему в подкрепление двух иноков княжеского рода, хорошо владеющих оружием – Александра Пересвета и Андрея (в иноческом постриге Родиона) Ослябя, которые приняли участие в Куликовской битве. Преподобный Сергей дал Пересвету и Ослябе «вместо тленного оружия нетленное – крест Христов, нашитый на схимах, и велел вместо золоченых шлемов возложить на себя» и сказал им: «Мир вам, братья мои, твердо сражайтесь, как славные воины за веру Христову и за все православное христианство с погаными половцами». Перед началом Куликовской битвы Пересвет принял вызов богатыря из войска Мамаю: «Этот человек ищет подобного себе, я хочу с ним переведасться!», – и вступил с ним в единоборство.

В Сказании о Мамаевом побоище дано полупоэтическое описание этого поединка. Так, Челубей был «подобен древнему Голиафу: пяти сажень высота его, и трех сажень ширина его». На голове Пересвета был шлем, покрытый сверху монашеским куколем, закрывавшем голову, плечи, грудь и спину и покрытый везде изображением креста. Оба были на конях и вооружены копьями. Соперники, по словам Сказания, «ударилась крепко копьями, едва земля не преломилась под ними, и свалились оба с коней на землю и скончались». Но Пересвет в последние минуты своей жизни повернул коня, который донес его уже бездыханное тело до передового полка русского войска. Значение исхода данного поединка заключается, с одной стороны в том, что этот поединок привел к гибели oбоих воинов, а, с другой, стороны, мужество Пересвета, положившего жизнь за «други своя», воодушевил русские войска на победу над войском Мамаю.

Обстоятельства, время возникновения, наличие нескольких редакций списков и другие особенности произведений Куликовского цикла и по сегодняшний день ведут к многочисленным спорам среди современных российских ученых, публицистов, священнослужителей.[4, 6, 7, 10] Среди ряда дискутируемых вопросов, имеющих отношение к теме доклада, можно выделить следующие: реальными или вымышленными историческими лицами являются Пересвет и Осляба? былью или легендой является участие Пересвета в поединке?

На наш взгляд, интересной с научной и публицистической точки зрения, дающей ответы на данные вопросы, является работа современного российского историка и литератора Никитина А.Л. «Основания русской истории; Мифологемы и факты»[5] и ученого-филолога Азбелева С.Н. «Куликовский цикл в устной и письменной исторической традиции»[1]. На основе проведенного ими анализа различных редакций вышеуказанных произведений можно сделать следующие выводы:

1) Пересвет является реальным историческим лицом, так как имя Пересвета с примечанием «бывший прежде боярин брянский» находится в перечне (несмотря на то, что расположено в конце списка) погибших князей и бояр, упоминаемых в Краткой редакции Летописной повести;

2) в «Задонщина» отсутствуют сведения о поединке Пересвета с «печенежином» или «татаринном», а в ее древнейшем списке не содержится никаких указаний на то, что Пересвет и его брат Осляба являлись иноками;

3) в основе «Сказания о Мамаевом побоище» лежат устные рассказы участников Куликовской битвы, порождающие народные героические сказания, легенды, к которым следует отнести и предание (сказание) о смертельной «победе» Пересвета с непобедимым ранее татарским богатырем Челубеем, в котором погибший во время битвы Пересвет олицетворял победу рядовых участников Куликовской битвы, поэтому описание поединка, в котором использовано много анахронизмов и фольклора, типичных для древних сказаний и преданий, в том числе для «Слова о полку Игореве», следует отнести скорее к былинному народному творчеству, чем к свидетельству о реально происходящем событии.

Таким образом, в истории Русской земли остается еще много «белых пятен», изучение и объяснение которых затруднено отсутствием или недостатком исторических источников и требует от исследователей тщательного изучения имеющихся источников и не допускать фальсификации исторических событий.

Литература

1. Азбелев С.Н. «Куликовский цикл в устной и письменной исторической традиции» // <http://pereformat.ru/2011/09/kulikovskij-cikl-v-tradicii>
2. Азбелев С.Н. Православная церковь и сражение на Куликовом поле // <http://pereformat.ru/2012/05/srazhenie-na-kulikovom-pole/>
3. ЗАДОНЩИНА. 10-20 гг. XV в. – 20-30 гг. XVI в. // <http://www.kbitva.ru/ist016.html>
4. Наби Р. Правда о «Куликовской битве». – Казань: Издательство «Иман», 2004
5. Никитин А.Л. Основания русской истории; Мифологемы и факты / А.Л. Никитин. – М.: «АГРАФ», 2001
6. Носовский Г.В., Фоменко А.Т. Русь и Рим (правильно ли МЫ понимаем историю Европы и Азии). Куликовская битва // Электронный ресурс: <http://www.comch.ru/~viart/mir/index.htm> <http://www.comch.ru/~viart/mir/index>
7. Озар Ворон. Быль про «инока» Пересвета или как церковь к русскому подвигу примазалась // <http://gorod.tomsk.ru/index-1270529602.php>
8. Повести о Куликовской битве / Под ред. М.Н.Тихомирова, В.Ф.Ржиги, Л.А.Дмитриева. – М.: АН СССР, 1959
9. Сказание о Мамаевом побоище (перевод В.В.Колесова) // <http://www.hrono.ru/dokum/1300dok/1380skaz.php>
10. Отвечает Иеромонах Иов (Гумеров) // <http://www.pravoslavie.ru/answers/6989.htm>

Социальный состав партийных организаций ЦПР в 1920-е годы: гендерный аспект

В исторических исследованиях последних десятилетий просматривается устойчивая тенденция к росту интереса к изучению гендерных проблем в отечественной истории. Как представляется, гендерные аспекты имеют важное значение и при исследовании такого феномена как коммунистическая партия. В первое десятилетие после Октябрьской революции 1917 года прием женщин в партию стал одним из механизмов разрушения традиционной системы отношений между полами и формирования новых социальных ролей женщины в обществе. Изучение социального состава ВКП(б) позволит оценить, насколько успешно решала коммунистическая партия эти задачи.

Источниковой базой исследования послужила созданная автором компьютерная база данных на основе выборки из опросных листов Всесоюзной партийной переписи 1927 года, хранящихся в Российском государственном архиве социально-политической истории. Выборка включает данные по четырем губерниям Центрального промышленного района: Владимирская, Костромская, Тверская и Тульская. Всего в выборку вошли 1290 анкет переписи.

В двадцатые годы ВКП(б) оставалась преимущественно мужской партией, несмотря на целый ряд кампаний по привлечению в ее ряды женщин. Хотя процент коммунисток в Центральном промышленном районе заметно выше, чем в целом по ВКП(б), основную массу членов партии и здесь составляли мужчины. На женщин приходится лишь шестая часть общего количества партийцев. В используемой выборке она на 2% ниже, поскольку в нее не включена Ивановская губернская партийная организация, где доля женщин была наиболее высокой.

Пополнение партийных организаций за счет женщин происходило неравномерно. Большая часть коммунисток вступила в ВКП(б) в 1924 и 1926 годах, когда вовлечение в партию женщин-работниц было названо одной из основных задач партийного строительства. Напротив, в чрезвычайной обстановке Гражданской войны коммунистическая партия пополнялась почти исключительно мужчинами, которые составили 92,3% вступивших в РКП(б) в 1918-1920 годах.

Нельзя не заметить, что социальный состав губернских партийных организаций Центрального промышленного района отразил половое разделение отраслей труда, характерное и для всего советского общества в этот период. Такие занятия как ответственная руководящая работа и самостоятельный крестьянский труд являлись преимущественно мужскими. Доля женщин среди коммунистов, занятых в этих сферах деятельности, ниже средней (соответственно 8,33% и 9%). Среди коммунистов-рабочих и служащих среднего звена отношение мужчин и женщин близко к среднему для коммунистов региона.

Повышенной долей женщин отличаются занятия низкой квалификации. Из общего числа коммунистов-неквалифицированных рабочих и служащих женщины составляют 18-20%. Они оказались и более социально незащищенной группой в ВКП(б), чем мужчины. В начале 1927 года на них приходилась четверть безработных, состоявших в партии, а доля безработных среди коммунисток в два раза выше по сравнению с мужчинами (4,6% против 2,3%).

При сравнении различий в уровнях вертикальной мобильности членов ВКП(б) обнаруживается, что у мужчин этот показатель только на 4% выше, чем у женщин. Видимо, такой фактор как пол мало влиял на общую интенсивность социальных перемещений внутри партийных организаций. Но характер изменения социальных позиций у мужчин и у женщин отличался.

Различия проявлялись прежде всего в повышении социального статуса за счет выдвижения на руководящую работу, которое среди коммунистов наблюдалось реже, чем среди партийцев-мужчин. Случаи приобретения более высокой статусной позиции в связи с получением более квалифицированной и престижной профессии встречаются среди мужчин и женщин с примерно одинаковой частотой. Особенностью социальной мобильности женской части

партийных организаций являлась более высокая вероятность нисходящих перемещений. Женщины-коммунистки во время пребывания в ВКП(б) в 2,5 раза чаще чем мужчины оказывались безработными (7,3% против 2,9%) или неработающими иждивенцами (3,7% против 1,5%) и в 2,1 раза чаще – на должностях младшего обслуживающего персонала (5,7% против 2,7%).

Половые различия в уровне географической мобильности в исследуемой выборке отсутствуют. Доля изменивших место проживания среди мужчин и женщин одинакова (52,8% и 52,9%).

Различия в образовательном уровне между мужчинами и женщинами на материалах выборки заметнее всего обнаруживаются среди имеющих низшее образование. Женщины чаще ограничивались домашним образованием, для мужчин же более характерным было законченное начальное. Они составили девять десятых этой образовательной группы, а вот в группе членов ВКП(б) с незаконченным начальным или домашним образованием доля женщин увеличивается до 30%.

Среди коммунистов со средним и высшим образованием соотношение мужчин и женщин соответствует общему для парторганизаций района. Женщины-коммунистки даже немного превосходят мужчин по относительной встречаемости среднего и высшего образования (на 1,8%).

И в мужской, и в женской части партийных организаций Центрального Промышленного района наблюдается одинаковая зависимость между полученным образованием и возрастом вступления в партию. Чем моложе были вступающие в ВКП(б), тем чаще встречались среди них закончившие средние и высшие учебные заведения. Напротив, те, кто вступал в партию в возрасте старше 35 лет, демонстрируют больший процент малограмотных.

На основе полученных результатов можно говорить о том, что в целом, несмотря на провозглашенные лозунги равенства полов и призывы сделать женщин активными участницами жизни общества, отношение к ним во многом сохраняло черты прежнего периода. Вступление женщин в партию было связано с проведением массовых кампаний, когда на них обращали внимание по указанию «сверху». Профессиональная и образовательная структура партийных организаций отразила картину, присущую всему обществу, в котором женщины занимали более низкое положение, чем мужчины.

Проблемы прав человека в религиозно-нравственном направлении русской политической мысли

Проблематика не просто личности, но личности, наделённой правами и свободами, достаточно давно развивалась в русской общественной мысли, и в этом смысле российская наука, также как и российская государственность, не стояли в стороне от развития мировой политико-правовой мысли и мирового политического процесса, но развивали, пусть и с определённым временным промежутком, приблизительно те же тенденции.

В развёрнутом виде концепция прав человека прозвучала у русских мыслителей, прежде всего оппозиционной, масонской направленности, в конце XVIII в. Ещё более определённо эти проблемы дискутировались в идейной борьбе западников и славянофилов в XIX в. Среди широкого круга тем, обсуждаемых западниками и славянофилами, особо выделяется антропологическая (человековедческая) проблематика.

В российской политико-правовой мысли отражается традиционно присущее отечественной ментальности стремление к коллективизму как в формах бытового сожительства, так и в осмыслении теоретических явлений. Понятия «соборности», «симфонии», столь типичные для российской традиции, подразумевали именно растворённость личности в общем деле и общем благе. Личность в российской политико-правовой традиции традиционно воспринималась как производное от сообщества, коллектива, его неотъемлемая часть.

Кроме того, заметен и государствоцентристский тип мышления, властепочитание, также традиционное для отечественной мысли. Поэтому традиционно в российской политико-правовой мысли проблематика прав человека занимала значительно меньшее место, чем в западных обществоведческих теориях. Это означает, однако, не отсталость российской мысли, а её иное целеполагание, иную направленность менталитета. Именно с особенностями российского менталитета во многом связан вторичный характер российской политико-правовой мысли по проблемам прав человека: эта проблема выступала не столь актуальной по сравнению с иными.

Н. Бердяев отмечал стремление русской мысли к абсолюту, тотальности, нежелание обходиться относительными категориями, извечную тягу к Соборности, доминирование в ней общего над частным - глобального над локальными, общества над личностью.[1]

Эти черты были характерны для мыслителей практически всех направлений. Понятие права «вращалось» вокруг понятия Государства; личность обладала лишь бесчисленными обязательствами по отношению к нему. Причём если обязанности эти были безусловными (например, подчинение законам или просто воле власти, участие в государственных войнах и пр.), имманентными русской жизни (с ними рождались, жили и умирали), то права личности безусловными, неотъемлемыми не были, увы, никогда. Права даровались, урезывались, видоизменялись или упразднялись, но в любом случае проистекали они всегда с вершины столь чудовищной пирамиды власти, что борьба за них представлялась до самого недавнего времени делом совершенно безнадёжным. Быть может, именно поэтому наша история на протяжении большей своей части не знает массовых движений за те или иные конкретные права. Тот, кто жаждал прав и не мог жить без них, должен был подниматься против Власти, ибо обрести права можно было, лишь сокрушив её. Ни Пугачёв, ни декабристы, ни народовольцы не пытались ничего добиться от существующей власти, гарантии своих прав все они видели только в её ниспровержении. Невозможно было, например, представить себе в России движение чартистского типа. Тотальная власть порождала тотальный бунт, в котором личные права, вспыхнув в момент индивидуального выбора, затем угасали, растворяясь в новой тотальности.[2]

Таким образом, развитие представлений о личности и её неотъемлемых правах в российской политико-правовой мысли находилось в общем русле мировых политико-правовых

тенденций. Тем не менее, наряду с «догоняющим» характером российских концепций прав человека, их отличало и иное, чем в Западной Европе, представление о приоритетах в триаде личность - общество - государство.

Это не отменяет, однако, значения российских обществоведческих концепций для истории мировой политико-правовой мысли.

В силу особого положения в России православия, на протяжении многих веков игравшего фактически государственную роль, особый интерес представляет позиция Русской православной церкви по отношению к проблематике прав человека.

Необходимо отметить, что это отношение к различным концепциям прав человека было и остаётся настороженным. Церковь традиционно рассматривает проблему прав человека и порождённые ею защитные институты как привнесённые в нашу страну искусственно и извне. По своей сути идея естественных (прирожденных) прав человека есть абсолютизация индивидуализма, свойственного западноевропейскому менталитету, индивидуализма, исторически глубоко чуждого русскому национальному и религиозному самосознанию. Воплощение в жизни общества идеи о правах человека, превращенной в правовую догму и не уравновешенной - ни нравственно, ни юридически, - идеей «естественных обязанностей», свойственных каждому гражданину, ведёт к неизбежной деградации общественной морали и нравственности, к разрушению самого соборного тела народа. Русское общество всегда строилось на воспитании в человеке прежде всего твердого осознания своих религиозных, гражданских и семейных обязанностей. Благородная, на первый взгляд, идея абсолютизации прав питает гордыню, высокоумие и тщеславие, ведёт к обособлению и разделению, противопоставлению интересов и, в конечном счете, к войне «всех против всех», по живому рассекающей народное тело - считал, в частности, патриарх Московский и Всея Руси Кирилл, занимавший наиболее активную позицию среди церковных иерархов в борьбе против концепции прав человека.[3]

В наиболее развёрнутом виде официальная позиция Русской православной церкви по проблематике прав человека была обозначена в «Декларации о правах и достоинстве человека», принятой в результате дискуссий в апреле 2006 г. на X Всемирном Русском Народном Соборе, где подчеркивается, что права и свободы неразрывно связаны с обязанностями и ответственностью человека. «Личность, реализуя свои интересы, призвана соотносить их с интересами ближнего, семьи, местной общины, народа, всего человечества. Существуют ценности, которые стоят не ниже прав человека. Это такие ценности как вера, нравственность, святости, Отечество. Когда эти ценности и реализация прав человека вступают в противоречие, общество, государство закон должны гармонично сочетать и то и другое».[4]

В целом в позиции Русской православной церкви преобладают тенденции к обскурантизму, к неприятию любых концепций, исходящих из иных центров политико-правовой мысли. Вместе с тем в этой позиции в последние годы наметились очевидные сдвиги к более гибкой позиции, учитывающей интересы и настроения светской науки и подверженных её влиянию категорий граждан.

Литература

1. Бердяев, Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма / Н.А. Бердяев. – М., 1990.
2. Фадин А. Права человека // 50/50: Опыт словаря нового мышления / Под общ. ред. М. Ферро и Ю. Афанасьева. – М.: Прогресс. – С. 477-478.
3. Митрополит Кирилл: У человека есть не только права, но и душа. – Труд. – 2006. – 28 марта.
4. Декларация о правах и достоинствах человека X Всемирного Русского Народного Собора. – <http://www.mospat.ru>

Изменение численности и состава городского населения России во II половине XIX в. (на примере Нижегородской губернии)

Актуальность и научная значимость исследования связана с большим значением изучения вопросов развития общества, регулирования этого процесса, участия в нём различных слоев населения. Обращение к изучению истории городских сословий, городского населения в целом объясняется сложными демографическими, экономическими и социокультурными процессами в современном обществе, которое находится на пути глобализации, то есть объединения в единое пространство людей, различающихся между собой по многим признакам. В связи с бурным развитием процесса глобализации возникают новые сложные проблемы, в том числе конфликтные, которые требуют серьёзного анализа и разрешения.

На протяжении второй половины в. наблюдается рост городского населения Нижегородской губернии. Изменения сословной структуры городского населения связаны, прежде всего, со значительным ростом числа представителей сельских сословий в городах. К концу XIX в. их доля в городском населении губернии составила уже более половины, то есть возросла с 1861 г. по 1897 г. почти в 2 раза. Такое соотношение сословий отражало типичную структуру российских городов второй половины XIX века, «когда крестьяне в составе наличного городского населения стали самой многочисленной социальной группой».

За этот период выросла и численность традиционных городских сословий – примерно в 1,6 раза, причем доля их в составе городского населения практически не изменилась составляла около 40%.

Изменения численности и доли внутри городских сословий имели разную направленность. Так, численность купечества в составе городского населения за эти годы сократилось в 2 раза, а доля его – с 12,7 до 4%. В то же время отмечен значительный рост количества почетных граждан (более чем в 10 раз), а доля этого сословия увеличилась с 0,9 до 6%. Значительным был и рост мещанства – почти в 2 раза.

Таким образом, в составе городских сословий по численности преобладало мещанство. В то же время следует отметить, что уже со второй половины XIX века, наряду с городским населением, растет население промышленно-торговых центров в уездах, которые официально не считались городами. Однако характер хозяйственных занятий и образ жизни их жителей постепенно приближаются к городским условиям.

Снижение удельного веса купцов в составе городского населения Нижегородской губернии на фоне явного повышения доли мещанства, а также на фоне роста почетных граждан и цеховых к концу XIX в. отражали общерусскую тенденцию к уменьшению доли его привилегированной части и росту доли непривилегированной части. В противоположность купечеству сословная группа почетных граждан существенно увеличилась с 327 до 3303 человек. Наследуемость сословных прав этой группы делали ее привлекательной для купечества, сословные права которого необходимо было подтверждать выборкой гильдейских свидетельств, а также для чиновничества, которое могло приобрести это звание по службе.

Рост численности крестьянства был плавным и постепенным. В течение первого пореформенного десятилетия каждый пятый-шестой житель города был крестьянином. В последующие три десятилетия уже каждый второй житель города соответственно принадлежали к крестьянскому сословию.

Тенденции к уменьшению как абсолютной, так и относительной численности наблюдаются в сословии духовенства. Такое положение было характерно для всего духовного сословия России и было связано с целенаправленной политикой властей к ограничению числа духовных пастырей и к улучшению их материального положения.

На долю дворянства во второй половине XIX в. приходилось в среднем 11% городского населения, при этом личные дворяне более чем наполовину превосходили численно потомственных дворян.

Подводя итог анализу сословной структуры населения Нижегородской губернии, отметим следующие изменения. Население городов выросло за счет миграции крестьянства, которое стало первым по численности сословием, потеснив традиционные городские сословия в структуре населения. Состав городского населения, которое более чем на 60% было представлено непривилегированными сословиями (крестьянством и мещанством), сказался на его имущественной поляризации. Это привело к размыванию традиционного сословного деления, преобладанию лиц наемного труда, ряды которых формировались за счет крестьянства, мещан, отставных солдат и формированию классовых групп.

Городское население России в конце XX – XIX начале вв.

В России конца XIX-начала XX вв. продолжает действовать Свод законов Российской империи, определяющий положение сословий. Согласно закону существовали четыре основных сословия: дворянство, духовенство, городское население и сельское население. Однако реформы II половины XIX в. повлекли за собой существенные социально-экономические изменения. В связи с переходом к капиталистическим отношениям, социальное деление общества стало изменяться. По-прежнему основу социальной структуры формально составляли сословия, однако на практике параллельно с существующими сословиями происходило формирование элементов классового общества- буржуазии, пролетариата и интеллигенции.

Пореформенное развитие России отражалось не только в появлении новых форм экономической жизни, росте темпов экономического развития, но и в значительных социальных изменениях. Они проявлялись в росте населения страны, изменении соотношения доли городского и сельского населения, постепенном стирании сословных различий и формировании новых социальных групп, в том числе профессиональных отрядов российского пролетариата и групп отечественной буржуазии.

Сословное деление российского общества во второй половине XIX – начале XX вв. было преобладающим. Это было характерно для феодальных отношений. Однако преобразования «великих реформ» и, прежде всего, крестьянская реформа 1861 г., привели к размыванию критериев сословности, поэтому с этого времени к городским сословиям можно относить не только их традиционный перечень рубежа XVIII-XIX вв.

Так, после крестьянской реформы и последующей потери дворянством его юридической и административной роли в деревне происходит прогрессирующее обезземеливание дворянства и, соответственно, переселение дворян из сельских усадеб в города, где они занимают всё более заметные позиции в промышленности и банковском деле, а также и в системе административно-политического управления.

Одновременно с этим происходит и прогрессирующее обезземеливание крестьянства, причём двоякого рода. С одной стороны, беднейшая часть крестьянства отправляется в город на заработки, пополняя ряды рабочих, приближаясь по своему положению к разряду мещанства, оставаясь, тем не менее, в формально-юридических рамках крестьянского сословия. С другой стороны, наиболее предприимчивая часть крестьян, использует вырученный за свои земельные участки капитал в торгово-ростовщической или промышленной деятельности, скупая в городах торговые и производственные площади. Постепенно они становятся одними из столпов общества, активными меценатами, покровителями наук и искусств, оставаясь, опять же, с точки зрения официальной статистики, крестьянами.

Данные Нижегородской губернии свидетельствуют о постепенном преодолении сословных перегородок. За 1900-1914 гг. в составе городского населения возросла численность представителей негородских сословий, а их доля увеличилась с 48,4 до 60% [4]. Обращает на себя внимание тот факт, что доля городских сословий в целом по губернии не превышало 4%, а за первые 15 лет XX века даже сократилась с 3,9 до 3,3%. В то же время доля городского населения возрастала [2]. Это свидетельствует о том, что рост городского населения в значительной степени был обеспечен негородскими сословиями.

В составе городских сословий по численности преобладающим было мещанство. В начале XX века его доля составляла, как правило, 3/4 от численности городских сословий и почти не изменялась. Однако по отношению ко всем жителям городов она сократилась с 40 до 30% [1]. Это еще одно доказательство пополнения городского населения за счет негородских сословий.

В то же время следует отметить, что уже со второй половины XIX века, наряду с городским населением, растет население промышленно-торговых центров в уездах, которые

официально не считались городами. Однако характер хозяйственных занятий и образ жизни их жителей постепенно приближаются к городским условиям. Именно за счет них впоследствии был обеспечен процесс урбанизации и рост городского населения.

В изменении социальных отношений особенно важно проследить реальное соотношение между сословной принадлежностью и социальным положением. В связи с этим отметим, что значительная часть фабрично-заводских промышленных заведений (не говоря уже о промыслах) находилась в сельских районах, а не в городах. В Нижегородской губернии менее одной четверти фабрично-заводских предприятий находилось на территории городских поселений. По сумме производства здесь производилась лишь треть продукции. Таким образом, в сельской местности производилось промышленной продукции в 2 с лишним раза больше, чем в городах. Эти промышленные села постепенно превращались в торгово-промышленные центры. Население этих торгово-промышленных центров было занято, в основном, промышленным производством и по характеру занятий и образу жизни уже мало отличалось от городского населения, но по официальной статистике проходило как сельское население.

Преобразованию сословий в классы способствовал высокий уровень межсословной мобильности. Тесно взаимодействовали крестьяне, городские обыватели и военные, так как главным образом за счет крестьянства обеспечивалось воспроизводство городского населения и армии. Обратные перемещения из мещанства, купечества и военных в крестьянство были сравнительно редкими. Перемещения из крестьянства, купечества и городских обывателей в дворянское сословие были достаточно многочисленными, хотя и не прямо – а через армию, университетское образование, государственную службу.

Подводя итоги, можно отметить следующее. Благодаря реформам 1860-х гг. сословия стали постепенно утрачивать свои специфические привилегии, сближаться друг с другом в правовом положении и постепенно трансформироваться в классы и профессиональные группы. Крестьянская реформа 1861г. привела к переселению в города части дворянства, а также крестьян, что привело к росту их количества в составе городского населения и усилило их роль в городской экономической и административной жизни. Усложнение сословной структуры города связано со смещением здесь городских и сельских сословий.

Социальные процессы этого периода носили противоречивый, переходный характер, что предопределило непоследовательность шагов правительственной политики. Движение реформ по пути к бессословности не привело в итоге даже к формальной ликвидации сословий. Сословное деление общества было ликвидировано только в 1917 году.

Литература

1. Обзор Нижегородской губернии за 1900 год. – Н.Новгород, 1901. Ведомость №4;
2. Обзор Нижегородской губернии за 1914 год. – Н.Новгород, 1915. Ведомость №4.
3. Приложение ко Всеподданнейшему отчету губернатора о состоянии Нижегородской губернии за 1900 год. Н.Новгород: 1901. Прил. 3.
4. Обзор Нижегородской губернии за 1900 год. Н.Новгород – Тип. губ правления. 1901. Приложения. Ведомость №4; Обзор Нижегородской губернии за 1914 год. – Н.Новгород –Тип. губ. правления, 1915. Приложения. Ведомость №4.

Н.В. Проскурина
Елецкий медицинский колледж
399775 г. Елец, Липецкой обл., ул. Рабочий поселок, д. 19
E-mail: nv-proskurina@yandex.ru

«А была ли измена...»
(А.П. Бестужев-Рюмин: на пути к политическому олимпу)

Природа человека с веками не меняется. Жажда власти, славы, богатства, весомого социального статуса не раз толкала людей на поступки, в которых холодный расчет и рассудительность приводили к весьма противоречивым последствиям. Стремясь к достижению заветной цели, человек и триста лет назад мог не считаться с чувствами близких ему людей, с искалеченными судьбами и непредсказуемым результатом своих действий.

Будущий елизаветинский канцлер Алексей Петрович Бестужев-Рюмин в начале царствования императрицы Анны Иоанновны состоял на дипломатической службе и пребывал за пределами России. Резидент в Копенгагене, он тяготился своим положением, не находил применения незаурядным способностям и мечтал о дальнейшем продвижении по службе. Приход новой императрицы к власти в 1730 году несколько воодушевил дипломата, т.к. смена правления могла сулить перемену его участи.

Жизнь уже сталкивала представителей дома Бестужевых с племянницей Петра I, хотя отношения оказались сложными. Отец Алексея, Петр Михайлович, с 1712 года состоял обер-гофмейстером и генерал-комиссаром при дворе вдовствующей герцогини Курляндской. Старший брат Михаил в том же 1712 году недолго жил в Митаве, консультируя отца в немецком языке. Свои молодые годы при дворе Анны Иоанновны провела сестра нашего героя, Аграфена Петровна, в замужестве Волконская. Герцогиня завидовала ее семейному счастью, поэтому не удивительно, что дамы превратились в достойных соперниц.

Сам Алексей в 1718 году поступил к царственной особе на службу обер-камер-юнкером, помогал отцу управлять делами герцогства и уже тогда смог зарекомендовать себя ловким дипломатом. В этом же году при митавском дворе появился Э. Бирон, почти ровесник Алексея Петровича (родился в 1690 году). Знакомство молодых людей продолжится много позже, в России, и принесет немало проблем каждой стороне. Заслужить особую благосклонность Анны Иоанновны Алексею удалось, отстояв в противостоянии с польскими дипломатами в 1720 году ее право на пребывание в Курляндии [2, 54-56]. Герцогиня была вполне довольна придворной службой младшего Бестужева, годы спустя отзываясь о нем как о человеке, который «верно служил и многие дела ко удовольствию показал» [2, 134]. Недолгое пребывание (до 1720 года) при дворе Анны Иоанновны дало ему хороший опыт службы царедворца, что очень пригодилось в будущем. С герцогиней семью Бестужева связывали и неофициальные отношения – она стала крестной матерью первенца Алексея Петровича и его супруги Анны Ивановны, появившегося на свет в Митаве.

Однако благосклонности со стороны теперь уже императрицы Бестужев не получил. Вероятнее всего, причины этого следует усматривать в резком ухудшении отношений между Анной Иоанновной и Петром Михайловичем. Еще в 1728 году курляндский двор задумал погубить своего некогда благодетеля, обвинив старшего Бестужева в растратах и хищениях, а также в плохом управлении [2, 243-254]. Объяснялась смена настроения весьма банально: ставленник Петра Михайловича, Эрнст Иоганн Бирон, занял место фаворита при герцогине и решил отделаться от покровителя-соперника. Печально, что опала отца распространилась и на его талантливую сына, которого перевели из Копенгагена в Гамбург.

Еще более сложная ситуация сложилась во взаимоотношениях между новой императрицей и Аграфеной Петровной. Причастная к придворным интригам в годы царствования Екатерины I, сестра Алексея была в 1728 году сослана в Тихвинский монастырь. Анна Иоанновна не только не облегчила ее участь, а решила поквитаться с давней обидчицей и соперницей, придумав изощренное наказание. Мужа амбициозной Бестужевой, Никиту Федоровича Волконского, императрица превратила в придворного шута. В 1732 году не пережившая такого унижения Аграфена Петровна скончалась.

Счастливым случаем для опального Алексея Петровича оказалось появление в Гамбурге в 1733 году Федора Красного-Милашевича, который когда-то служил камер-юнкером при дворе мекленбургской герцогини Екатерины Ивановны. Федор объявился с доносом на смоленского губернатора князя А.А. Черкасского, который якобы организовал заговор с группой губернских чиновников и местных дворян с целью возведения на российский престол внука Петра I, голштинского герцога Карла Петера Ульриха. Одними разговорами дело не ограничилось, т.к. Черкасский отправил в Киль курьером именно Милашевича, передав ему два письма для герцога.

Действия губернатора иначе как государственной изменой трактоваться просто не могли. И как человек, состоявший на службе у российской короны, Бестужев не имел права не реагировать на подобные доносы. Вся беда резидента состояла в том, что он решил воспользоваться случаем оправдать себя в глазах нового правительства империи и освободиться от опалы. Следствие по столь важному делу не входило в компетенцию Алексея Петровича, поэтому он лично повез Милашевича в Петербург.

С 24 марта 1731 года по именному указу императрицы в России действовала Тайная канцелярия, возглавляемая доверенным человеком, генералом А.И. Ушаковым. Информация о губернаторском заговоре вызвала в столице такой переполох, что Ушаков сам поспешил в Смоленск арестовать А.А. Черкасского. В 1734 году была создана специальная следственная комиссия по делу князя [1, 119]. И хотя никаких доказательств вины губернатора не обнаружили, Черкасский был приговорен к смертной казни, замененной на ссылку в Сибирь. Человек невиновный, он сам оклеветал себя из страха перед дыбой. И только в 1739 году Федор Милашевич признался, что специально донес на князя, ввел в заблуждение Бестужева и следственную комиссию [3, 862].

Но в 1733 году участие Алексея Петровича в деле князя Черкасского было замечено Петербургом и оценено. Бестужева снова перевели в Копенгаген, проявив к нему благосклонность. Правда, особых почестей он ждал долго. Только после падения А. Волынского его вызвали в столицу и назначили в 1740 году кабинет-министром. Бирон удостоверился в преданности и лояльности старого знакомого, вполне мог на него положиться, остро нуждаясь в своем человеке в Кабинете. Новый министр не мог сблизиться с И.А. Остерманом из-за давней неприязни всех Бестужевых к нему, не мог стать правой рукой Черкасского, видевшего в Алексее Петровиче виновника бесчестия фамилии. Поэтому бывший резидент держался стороны Бирона, что было логично при сложившихся обстоятельствах.

Возвышение Бестужева не было продолжительным. После смерти императрицы Анны Иоанновны и свержения назначенного ею регента Алексей Петрович проходил по делу Бирона и снова оказался в опале. Однако это был лишь очередной шаг к политическому олимпу, покорить который он смог при императрице Елизавете Петровне.

Литература

1. Анисимов Е.В. Дыба и кнут. Политический сыск и русское общество в XVIII веке. М.: Новое литературное обозрение, 1999. 720 с.
2. Письма русских государей и других особ царского семейства. М., 1862. Т. IV: Переписка Анны Иоанновны.
3. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. 1703-1740. Кн. X. Т. 19-20. М.: ООО «Издательство АСТ»; Харьков: «Фолио», 2002. 960 с.

Н.В. Проскурина
Елецкий медицинский колледж
399775 г. Елец, Липецкой обл., ул. Рабочий поселок, д. 19
E-mail: nv-proskurina@yandex.ru

**Воспитать достойного ученика:
дипломаты XVIII века Б.И. Куракин и А.П. Бестужев-Рюмин**

Делать первые шаги в профессии всегда было непросто. И подлинной удачей можно считать возможность иметь перед глазами достойный пример, встретить настоящего учителя.

Осенью 1712 года в Гааге произошла одна из тех встреч, которые оставляют отпечаток на всю жизнь. Служба и судьба свела двух дипломатов – учителя и ученика. Первый - князь, действительный тайный советник, генерал-майор, гвардии Семеновского полка подполковник и ордена Св. апостола Андрея Первозванного кавалер - Борис Иванович Куракин (1676 – 1727). За его плечами долгие годы военного и дипломатического служения Российскому государству. Он не раз являл примеры храбрости под Азовом (1696), Нарвой (1704), Полтавой (1709). Полномочный министр в Риме и Венеции (1707), в Ганновере и Брауншвейге (1709), в Лондоне (1710) и Гааге (1711) [2, 125; 3, 207; 4, 572], Борис Иванович был настоящим сподвижником и единомышленником Петра Великого. Накопив достаточный профессиональный опыт, князь вполне мог воспитать не одного преемника.

Второй – стоящий в самом начале своей не менее блистательной карьеры, будущий елизаветинский канцлер – Алексей Петрович Бестужев-Рюмин (1693 – 1766). «Птенец гнезда Петрова», с хорошими способностями и задатками, он нуждался в достойном учителе и смог такового обрести.

Становление Бестужева как дипломата произошло в годы его службы за пределами Российского государства. Набираться практического опыта ему довелось в ряде европейских государств, будучи вовлеченным то в качестве наблюдателя, то в качестве активного участника в хитросплетениях большой международной политики. Дипломатия стала его призванием, а служба – способом самореализации. И если изначально благодаря семейным установкам Алексей Петрович смотрел на нее как на возможность выдвинуться, достичь определенных высот, послужить Отечеству, то после появления в марте 1714 года знаменитого петровского указа «О порядке наследования в движимых и недвижимых имуществах» служба оказалась источником его доходов.

Своё первое назначение Алексей Петрович получил уже в 1712 году. Петр Великий, общавшийся во время своего пребывания в Берлине с молодыми русскими дворянами, обратил на него внимание и определил на службу «дворянином при посольстве» в Голландию. Это явилось большой удачей для начинающего дипломата. Знаменитый петровский дипломат князь Б.И. Куракин стал руководителем и наставником Алексея.

Оказавшись в Гааге в октябре 1711 года в ранге посла, Борис Иванович должен был склонить Голландию к союзу с Россией. Ему удалось убедить морскую державу, что ей выгоднее торговать с Россией на Балтике, чем поддерживать в Северной войне Швецию. В Гааге князь, по сути, выполнял функции вице-канцлера за границей. Он поддерживал связь со многими видными политическими и государственными деятелями Европы, был хорошо осведомлен во всех делах. Куракин координировал действия русских дипломатов, аккредитованных в других странах, вел с ними обширную переписку, давал необходимые рекомендации и советы. Принципиальный и смелый, он мыслил не только в масштабах отдельных стран, но умел охватить всю европейскую систему международных отношений [3, 209].

В целом молодому дипломату Алексею Петровичу было чему у князя поучиться. Куракин по поручению Петра I неоднократно представлял Россию на международных конгрессах, где решались важнейшие вопросы мировой политики. Вот и в 1712 году послу предстояло отправиться на Утрехтский конгресс, который подводил итоги большой европейской войны за Испанское наследство (1701 – 1714).

В составе российского посольства в Утрехт был Бестужев-Рюмин, оказавшийся сразу в центре острых дипломатических переговоров ведущих европейских стран. Это дало возможность начинающему дипломату увидеть хитросплетения интересов мировых держав, заглянуть за кулисы дипломатической игры, познакомиться лично с некоторыми её участниками. Он мог изучать и анализировать важнейшие европейские проблемы, пытаться определить будущих союзников и потенциальных противников России.

К тому же Алексей Петрович выполнял обязанности секретаря посольства, что означало детальное знакомство со всей документацией, а значит, и некоторыми секретами [5, 207].

В войне за Испанское наследство российские интересы не были затронуты, но участвовать в конгрессе для русской дипломатии оказалось крайне важным. Князь Куракин, проявив всё своё дипломатическое искусство, сумел не допустить обсуждения «северных дел». В итоге вмешательство других стран в Северную войну на стороне Швеции было предотвращено. Куракину удалось также удержать Англию от проявления открытой враждебности к России, что сулило бы определенные сложности на Балтике. Россия стала одним из гарантов Утрехтского договора 1713 года и обязалась защищать мир всеми средствами, вплоть до использования военных сил против его нарушителя. Итак, А.П. Бестужев-Рюмин стал свидетелем и участником существенных побед российской дипломатии, одержанных на международном конгрессе в Утрехте.

Утрехтский конгресс оказался неплохой стартовой площадкой для начинающего дипломата: его усердие было вознаграждено приглашением на службу к ганноверскому курфюрсту. В 1713 году Петр I разрешил Алексею Петровичу стать камер-юнкером Георга Людовика с жалованием по тысяче талеров в год [1, 235].

Служба под опекой Б.И. Куракина, бесспорно, оказалась полезной для процесса становления Алексея Петровича как дипломата, позволила ему установить личные связи с достаточно влиятельными людьми и начать собирать свой собственный «капитал знакомств».

Литература

1. Бантыш-Каменский Д.Н. Российские генералиссимусы и генерал-фельдмаршалы. М.: АСТ, Минск: Харвест, 2005. С. 235.
2. Дипломатический словарь: в 3 т. / гл. ред. А.А. Громыко, А.Г. Ковалев и др. – Т. 2. – М.: Наука, 1986. С. 125.
3. Мусский И.А. 100 великих дипломатов. М.: Вече, 2001. С. 207-212.
4. Русский биографический словарь. Т. 12. Кнаппе – Кюхельбекер. М., 1995. С. 572-579.
5. Сенатский архив. СПб., 1891. Т. 4. С. 207.

**Анализ взглядов С.Ю. Витте на русскую общину
(в рамках концепции динамических системных матриц)**

Тема общины относится к фундаментальным вопросам развития России, причем, уже не первое столетие. Сейчас в российском обществе идет активный поиск путей развития общества и экономики, и при этом рассматривается возможность использования исторического опыта России на новом этапе развития. Мне представляется интересным вернуться к рассмотрению вопросов, волновавших общество сто лет назад, и не переставших быть интересными теперь.

При анализе сложных проблем и объектов хорошие результаты дает использование системного метода. В данном исследовании использовался метод динамических системных матриц, предложенный в работе Толмачева В.К. [1] Используется постулат, что реальные системы существуют в пространстве и во времени, обладают энергией и информацией. Это четыре главные первоосновы мира, части единого, поэтому изучение и анализ любой системы всегда проходит в плане этих четырех общенаучных категорий: время (прошлое, настоящее, будущее) – пространство (внешнее и внутреннее пространство) – информация (форма и содержание, качество и количество) – энергия (цель, смысл, каким образом). В итоге получается более целостное представление об объекте, т.к. исследователь обращает внимание на многие аспекты, которые при обычном описании остались бы не акцентированными. Автор неоднократно использовала данный метод при исследовании различных аспектов проблемы отношения к труду и убедилась в его эффективности [2,3,4]

Целью системного анализа в данной работе является поиск ответа на вопрос: что мы можем использовать из опыта существования общин на новом этапе развития. Для реализации поставленной цели необходимо ответить на вопрос, почему община показала свою несостоятельность в начале XX века. При ответе на поставленный вопрос принципиально важно рассмотреть мнение государственного деятеля С.Ю.Витте, причастного к принятию важных решений в этой сфере. Витте уделял этому вопросу серьезное внимание и, что особенно важно для научного исследования по этому вопросу, проанализировал причины несостоятельности общин в России. Он считал вопрос о преимуществе общинного или индивидуального владения принципиальным, чрезвычайно острым и обширным.

С.Ю. Витте анализируя общину [5], говорил, что человек не может проявлять инициативу в своем труде, когда он знает:

- что обрабатываемая им земля через некоторое время может быть заменена другой;
- что плоды его трудов будут делиться не на основании общих законов и завещательных прав, а по обычаю;
- когда он будет отвечать за налоги, не внесенные другими (круговая порука);
- когда он не может свободно передвигаться и оставить свое жилье без паспорта;
- когда его бытие не под властью законов, а под властью земских начальников.

Государство предпочитало сохранить и укрепить общину из охранительных соображений – круговая порука позволяла легче и полнее собирать налоги. В процессе крестьянской реформы 60-х годов была сделана большая ошибка – увлеклись общинным началом и недооценили принципа собственности.

Итак, до революции, значительная часть земли находилась в коллективном владении, подворное владение находилось в неопределенном положении вследствие неопределенности права собственности. Крестьянство находилось вне сферы гражданских законов. Главным тормозом экономического развития крестьянства стала община в том виде, в котором она сложилась к этому времени (и насильственно удерживалась в таком состоянии государством).

Таблица 1

Положение крестьян в России (по С.Ю.Витте)

ЭНЕРГИЯ	ИНФОРМАЦИЯ
Народ часто надрывается работой, но труд не производительный и народ часто голодает	Государство держало три четверти населения не в положении полноправных граждан, а в положении взрослых детей, не подпадающих под общую юрисдикцию, а находящихся под опекой земского начальника
ВРЕМЯ	ПРОСТРАНСТВО
Средневековая община не допускала совершенствования (или вернее, государство не допускало её совершенствования, так было удобнее)	Крестьянство составляло три четверти населения России, но они не могли передвигаться и оставлять свое жилье без паспорта. Крестьянин знает, что в условиях переделов обрабатываемая им земля через некоторое время будет заменена другой.
НРАВСТВЕННОСТЬ	ОБЩЕСТВО
Круговая порука – это ответственность исправных – за неисправных, работающих – за лентяев, трезвых – за пьяных. Это величайшая несправедливость, <i>деморализация</i> населения, уничтожение ответственности.	Крестьянин не подпадает под рамки общей юрисдикции, он не совсем гражданин, он «полуперсона»: без паспорта передвигаться он не может (а выдача паспорта зависит от воли земского начальника), ему не принадлежат результаты его труда, они делятся по обычаю
ПСИХОЛОГИЯ	ЭКОНОМИКА
Раб, понимая, что улучшение его жизни и жизни его близких невозможно, становится равнодушным	Экономическое положение крестьянства плохое, сбережения ничтожны, быт похож на быт домашнего животного. Недостаток земли приводит к постоянным её переделам и крестьянин отвечает за налоги, не внесенные другими (круговая порука)

К сожалению, поклонение общине исходило во многом не столько из аграрных соображений, сколько из соображений полицейских, так как несомненно, что самый удобный способ управления есть управление не отдельными индивидами, а их организованной массой.

Исследование материалов Витте С.Ю. об общине в рамках системной матрицы наглядно показало, что недостаточно освободить крестьянство от рабства произвола, дать ему законность и сознание законности, просветить его, нужно, прежде всего, поднять дух крестьянства, решить вопросы нравственности. Крестьянский вопрос является для России очень важным и его необходимо решать с учетом этих выводов.

Литература

1. Толкачев В.К. Роскошь системного мышления. Руководство-практикум по развитию мышления. – СПб, Центр практической психологии «Эмпатия», 1999. – 350 с.
2. Отношение к труду россиян и американцев: сравнительный анализ с использованием динамических системных матриц (монография) Современные подходы к управлению/теория и практика/: моног./под общ. Ред. Н.В.Чайковской. – Муром: Изд.-полиграф.центр МИ ВлГУ, 2011.-232с. (с.53-76).
3. Индивидуализм и коллективизм в отношении к труду работников (в рамках концепции динамических системных матриц) Современная экономика: проблемы, тенденции, перспективы, 2011. – выпуск 5, ISSN -2222-6532 [электронный ресурс]0,75п.л.
4. Эволюция общин в мире (в рамках концепции динамических системных матриц) Современная экономика: проблемы, тенденции, перспективы, 2012. –выпуск 6, ISSN -2222-6532 [электронный ресурс] 0,7 п.л.
5. Витте С.Ю. Избранные воспоминания, 1849-1911 гг.: в 2 т. Т.2. –М.: ТЕРРА, 1997. - 400с., с. 185-224.